

КАЗАНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

ГАСТРОЛИ в МОСКВЕ

Казанский Большой драматический театр — один из крупнейших и старейших периферийных театров. Им пройден длинный, богатый победами творческий путь. Закрепление актерского состава началось здесь еще задолго до опубликования приказа о стационарировании. В Казанском театре многие артисты работают уже в течение пяти, семи и даже одиннадцати лет.

Гастроли Казанского театра в Москве совпали со-всесоюзной конференцией режиссеров и в какой-то мере послужили наглядной иллюстрацией к основным докладам и выступлениям ее участников, единодушно утверждавших за режиссером почетное место руководителя и организатора актерского коллектива.

В Казанском театре русской драмы — интересный репертуар, большая труппа (63 человека), много талантливых и ценных артистов. Руководимые соответствующим образом режиссурой, они несомненно могли бы создать волнующие образы и спектакли, но, будучи частенько предоставлены самим себе, многие из них опустились до уровня добросовестной посредственности. Это ли не самое страшное в театре?..

Отсутствие крепкой режиссерской руки, отсутствие режиссерской мысли, культуры и вкуса — вот чего в основном недостает Казанскому Большому драматическому театру, впервые приехавшему в Москву.

Спектакль «Отелло» поражает своей извечностью и старомодностью. Спектаклю этому еще нет и двух лет отроду, а кажется, будто он поставлен в 80-х годах прошлого века и сейчас лишь чуть-чуть подновлен. Спектакль этот, вероятно, поправился бы П. И. Вейнбергу, перевод которого (важный и рыхлый) почему-то пленил руководителей Казанского театра. Странно! Споры, кипевшие вокруг постановки «Отелло» в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Тбилиси и Алма-Ате, не достигали до Казанского театра.

В постановке «Отелло» в Казанском театре почти все действующие лица говорят одним тоном — благородный мавр, и гнусный Яго, и чистая Дедалеона, и порочная Бьянка.

Ардаков по-своему неплохо играет Отелло — эмоционально, сильно, благородно. Но

Казанский Большой драматический театр. «Ревизор». Городничий — народный артист ТАССР Ф. В. Григорьев и Хлестаков — Н. И. Якушенко. Фото Е. Явно

драма его Отелло все же главным образом драма ревности, а не доверчивости. Театр и исполнитель роли Яго актер Волков задумали через внешнюю привлекательность Яго показать его хищную породу. Вот, мол, искусство маскировки, доведенное до виртуозности. Интересный замысел артисту не удалось, однако, осуществить. Честолюбивец, лжец, карьерист, хитрец и интриган, корыстолюбивый златолюбивец Яго не получился. Трудно поверить, чтобы такой добродушный и неумный Яго, каким он расхаживает по сцене Казанского театра, мог добиваться осуществления своей основной цели — занять место главнокомандующего.

Если образ мужественной, смелой Дедалеоны вполне закономерен, то жертвенность Бьянки бесспорно ошибочна. Мы охотно верим в «земную» Дедалеону, — в этом нас убеждает все ее поведение: она ушла ночью из родительского дома, держала речь в сенате, поехала на войну; что же касается страдающей Бьянки, то это просто фантазия режиссуры, не подкрепленная шекспировским текстом.

В «Падении Серебряной» (режиссер Треплев) совершенно сомкнута сцена самодеятельного концерта и начинающейся вслед за ним на заставе тревоги. Зато сцена с японским поручиком чрезмерно растянута и перегружена ненужными натуралистическими деталями — приготовление к харакири и в особенности молитва. Кроме того, в спектакле очень много музыки — все «сонично» антракты (между картинками) заполнены трансляцией записанных пластинок. Нужно ли это?

«Ревизор» сыгран — и у меня на душе так смутно, так странно. Режиссер Казанского театра Ардаков, нарушая указание самого Гоголя, тащит бессмертную русскую сатирическую комедию к утрировке, к шаржу, к буффонаде. Ни к чему и огромные паузы, выполненные боем часов с кукушкой и прочими «эффектами».

Казанский театр русской драмы, судя по тем постановкам, которые нам удалось видеть, не может похвастаться ослепительным ансамблем и организованностью большин-

ства своих спектаклей, но зато отдельные его артисты, и их немало, заслуживают пристального внимания и высоких оценок. Это, прежде всего, Григорьев, Якушенко, Жулинский и др.

Григорьев — старейший артист Казанского Большого драматического театра. Он недавно отпраздновал 80-летие своей сценической деятельности. Он — народный артист ТАССР. Нам довелось видеть Григорьева в трех ролях — городничего («Ревизор»), Полежаева («Беспокойная старость») и Ковалева («Павел Греков»). Лучшая из них — профессор Полежаев. Ученый с мировым именем, сохранивший в свои 75 лет светлую мысль и пламенное сердце; замечательная, пленительная старость. Образ профессора, созданный Григорьевым, волнует и греет искренними человеческими чувствами. У Григорьева свой Полежаев, живущий самостоятельной жизнью в ряду многочисленных воплощений депутата Балтики в театре и кино. Искренне и просто играет Григорьев и секретаря парткома Ковалева. Менее подлошло дарование Григорьева к образу гоголевского городничего. Это — не «плотоядный пролаз и шельма с грубоватой внешностью провинциального мелко чиновника», каким изображал его Щепкин. Впрочем в такой же мягкой манере играл городничего и В. Н. Давыдов, с той лишь разницей, что Давыдов не был так тороплив в первых двух актах, как Григорьев.

Интересный актер Жулинский. Он сыграл в гастрольных спектаклях Землянику («Ревизор»), Нараулаева («Павел Греков») и Мансурова («Падение Серебряной»). Особенно ему удалось Земляника — такой липкий, подлый, вкрадчивый подкалывал и клеветник, что-то вроде уездного Тартюфа.

Подробно следует поговорить о Якушенко. Это богатый одаренный, острый, отличный перевоплощающийся артист. Сегодня он играет Хлестакова в «Ревизоре», завтра — Аркашку в «Лесе», в следующем спектакле — секретаря парткома Рыдая («Павел Греков»). Вот и определит после этого, какое у него амплуа. Помните, у

Островского Незнамов кричит на Миловозова: «Да вылезь ты из своего дурацкого амплуа хоть на минуту!». Амплуа — это штамп, это замкнутый круг, в котором легко живется посредственностям и рутинерам. У Якушенко нет амплуа, но у него есть яркое сценическое дарование. Хлестакова Якушенко играет свежо, остро, находчиво, непосредственно, по-своему, удивительно легко и удивительно верно: «Врет, врет и нигде не оборвется! А ведь такой невзрачный, низенький. Кажется, ногтем бы придавил его».

В споре врагья Якушенко заставляет вспомнить немногих удачных исполнителей этой роли за вековое ее существование. Постоянно вдохновенная ложь! Превосходно ведет Якушенко сцену с чиновниками, дающими ему взятки. Динично и жадно, охотничьи объясняет, прачет он в карман ассигнации, составляя фонд для очередного сражения с очередным пехотным капитаном, поразительно срезывающим штыки.

Через день я видел Якушенко в «Павле Грекове». Рыдай тоже ничтожество, тоже трус и враль, тоже пустой человек. Однако, когда началась сцена в парткоме, началось заседание, я не сразу узнал в артисте, играющем секретаря Рыдая, вчерашнего исполнителя роли Хлестакова. Казалось бы, могли проскользнуть какие-то общие интонации, жесты, движения. Ничего подобного. Перед нами был совершенно новый образ, построенный умно, расчетливо и смело. Роль перестраховщика Рыдая в исполнении Якушенко обрела крайне интересные, характерными для таких людей деталями. Он, например, выступая против Грекова, каждое из своих обвинений — кладет на счеты. А резюмируя свою речь, резким движением скидывает косточки, как бы сбрасывая со счетов житейного человека.

Следует еще отметить артистку Гранитскую. Она сыграла в Москве дочку городничего, жену Грекова и сестру Бахметьева («Падение Серебряной»). У актрисы есть чувство, искренность и простота. Однако в Марье Антоновне «барышня глупая, пустая и пошлая» у нее не получилась.

В Казанском Большом драматическом театре три режиссера. Двое из них, Треплев и Ардаков, — с большим стажем и опытом; третий, Ниренбург, только что окончил ГИТИС и сдал дипломную работу («Васса Железнова»). «Павел Греков» — его вторая постановка. Судя по ней (спектакль сделан толково и крепко), Ниренбург — опытный режиссер. Наличие этих режиссерских сил не обеспечивает, однако, Казанскому Большому драматическому театру дальнейшего процветания и роста. Московские гастрольные показы этого со всей очевидностью.

ВИКТОР ЭРМАНС